

Син Вэньфэй только что вышел из горячего душа и в одной майке не чувствовал холода, поэтому не сразу сообразил, что Цинь Су может попросту замерзнуть. Будь они на светском рауте, заметь он даму в открытом платье, дрожащую на сквозняке, Син наверняка разыграл бы джентльмена, накинув пиджак ей на плечи. Но здесь, рядом с Цинь Су, привычные светские рефлексy почему-то давали осечку.

Гао Миньфэн оказался куда внимательнее. Подойдя к учителю, он нахмурился: Профессор Цинь недавно перенес профессиональный контакт с ВИЧ, сейчас ему полагалось беречь себя и поддерживать иммунитет любой ценой, а он сидит на диване почти раздетый. Так и до простуды недалеко.

Гао Миньфэн огляделся и, заметив на кресле куртку Син Вэньфэя, набросил её на плечи Цинь Су.

— Учитель Цинь, не хватало еще, чтобы вы простудились. Я включу кондиционер.

Он бывал здесь всего несколько раз, но обладал редким даром — стоило ему войти в помещение, как он мгновенно подмечал каждую деталь. Миньфэн всегда поддерживал в лаборатории безупречный порядок, и сейчас он ориентировался в квартире профессора, пожалуй, лучше, чем сам хозяин. Он уверенно подошел к внешнему блоку кондиционера, выставил нужный режим, и вскоре по комнате разлилось живительное тепло.

Син Вэньфэй наблюдал за этой сценой с растущим раздражением. Миньфэн вел себя здесь как полноправный хозяин, и Син, уловившись ревностью, вдруг отчетливо осознал, насколько сам не умеет заботиться о близких.

Миньфэн тем временем придвинул табурет, сел перед Цинь Су и привычным движением надломил ватную палочку с йодом. Дождавшись, пока антисептик пропитает вату, он принялся осторожно обрабатывать ссадины.

Цинь Су пришел в фундаментальную науку из биологии, а вот Гао Миньфэн в бакалавриате изучал судебную медицину. В таких сугубо медицинских вопросах ученик был подкован даже лучше своего наставника.

Оба выглядели измотанными, и разговор поначалу не клеился. Однако в их молчаливых действиях сквозило такое глубокое взаимопонимание, что Син Вэньфэй почувствовал жгучую зависть. Ему оставалось лишь стоять в стороне и молча наблюдать.

Закончив дезинфекцию, Миньфэн выбросил палочку в пакет для мусора. Он бросил взгляд на столик, где Вэньфэй устроил настоящий кавардак, и методично навел порядок. Лишь когда всё оказалось на своих местах, он надел перчатки, вскрыл стерильную салфетку, едва коснувшись её края, и наложил на рану. Сверху он приклеил фиксирующий пластырь — одно точное, уверенное движение.

Вэньфэй смотрел на это, открыв рот. Действия Миньфэя были отточены до автоматизма, изящны и выверены. Ни одной лишней детали, ни единого лишнего касания.

«Центр салфетки трогать нельзя, ты его загрязнил, теперь это выбрасываем», — Цинь Су уже не раз отчитывал Син Вэньфэя за подобные оплошности. С Гао Миньфэном такое было просто невозможно.

В эту минуту Вэньфэю до смерти захотелось самому стать студентом профессора Циня, лишь бы научиться этой близости.

Гао Миньфэн осмотрел повязку и негромко произнес:

— Учитель, рана почти затянулась, можно было бы и не бинтовать — так заживет быстрее. Но вы можете зацепить струп одеждой, и снова пойдет кровь. Поносите повязку еще день-другой. У вас дома кончились расходники, я потом принесу из лаборатории.

Цинь Су кивнул:

— Спасибо тебе.

Миньфэн виновато опустил голову. Тонкая шея парня казалась совсем хрупкой. Его назвали Миньфэном, потому что он родился у подножия гор Миньшань; он и внешностью напоминал тех горцев — невысокий, ладный. По характеру он был под стать своей родине: молчаливый, даже застенчивый, но при этом обладающий твердым стержнем и редким упрямством.

Цинь Су больше не сердился на него. Он знал, что такие люди, как Миньфэн — тихие, мягкие «овечки» — на самом деле несут на душе самый тяжелый груз. Они всегда настраиваются на волну окружающих, подмечают чужие нужды и живут чужой болью. Это выматывает сильнее любой работы.

Профессор не хотел, чтобы парень загонял себя в угол. Миньфэн был еще совсем молод, впереди — долгая жизнь.

Цинь Су и сам корил себя. Он видел, что Гао Миньфэн — человек тонкой душевной организации, способный к сопереживанию, и именно поэтому доверил ему Проект по изучению коинфекции ТБ/ВИЧ. Теперь он понимал, что это была ошибка. Чувствительность Миньфэя не подходила для такой тяжелой работы, она лишь копила в нем негатив, который парень не умел выплескивать. Сюда больше подошел бы кто-то вроде Мяо Сяожуй: она могла высказать всё в лицо, умела и похвалиться заслугами, и пожаловаться на несправедливость, и вырвать свой кусок. Цинь Су, как наставник, должен был учесть разницу характеров, но не справился.

— Сяо Гао, ты что, снова всю ночь не спал? — мягко спросил Цинь Су.

Миньфэн молча уткнулся взглядом в пол.

У профессора всё еще держалась субфебрильная температура, он почти не чувствовал тепла, но когда заработал кондиционер, мысли в голове наконец-то прояснились.

— Пришел ко мне прямо из лаборатории? Раз пришел — значит, есть что сказать. Говори, я слушаю.

Миньфэн действительно пришел за этим. Он долго кружил под дверью и постучал лишь тогда, когда увидел свет в окнах гостиной.

Парень мельком оглянулся на Син Вэньфэя, который замер неподалеку, не сводя с них глаз. Высокий, мощный Син со своим тяжелым, мрачным взглядом давил на Миньфэна. Тот не знал, кто это, и в его присутствии просто не мог открыться профессору.

— Сяо Вэнь, — обратился Цинь Су к любовнику. — Будь добр, вскипяти немного воды.

Син Вэньфэй прекрасно знал этот прием — он и сам часто использовал подобные просьбы, чтобы выставить лишних людей. Обычно он говорил просто: «Будете уходить — закройте дверь».

— Хорошо, — нехотя отозвался Син.

Цинь Су указал на кухню, и Вэньфэй поплелся туда, всем своим видом выказывая недовольство.

Эта странная связь между учителем и учеником выводила его из себя. Они казались единым целым, а он был лишним, хотя именно он — парень Цинь Су! Разве не он должен быть самым близким человеком?

Кухня в этом доме служила лишь одной цели — кипячению воды. Син долго возился, пытаясь понять, откуда берется вода, и в итоге набрал полный чайник из-под крана. Нажав кнопку, он тут же юркнул обратно в столовую. Между ней и гостиной не было двери, лишь простенок, так что каждое слово было слышно идеально.

Син Вэньфэй вырос под присмотром учителей этикета, которые учили его всему, кроме искусства подслушивания. Но сейчас он не чувствовал ни малейших угрызений совести.

Цинь Су посмотрел на своего прилежного ученика. За годы работы через его руки прошли десятки студентов, и к каждому он относился по-разному, но Гао Миньфэн всегда был одним из любимчиков.

— Сяо Гао, я знаю, ты переживаешь за меня. Но зачем так истязать себя? Ты что, больше никогда не собираешься спать?

Когда Миньфэн поднял голову, в его глазах стояли слезы. Сердце Цинь Су дрогнуло. Он поспешно вытянул из пачки салфетку и протянул её парню:

— Я же сказал: я знаю, что ты не нарочно. Я не виню тебя, честно. Я только за твою безопасность боюсь. Пойми меня правильно: ваше здоровье для меня важнее собственного. Неужели ты этого не понимаешь?

Миньфэн сжал салфетку, плечи его задрожали.

— Нет, Учитель... Вы гораздо важнее нас. Я... я ничего не стою.

— Глупости какие, — оборвал его Цинь Су. — Ты мой лучший студент. Как ты можешь не иметь значения?

Миньфэн всхлипывал, пытаясь возразить, но слова застревали в горле.

У Син Вэньфэя в столовой едва голова не взорвалась. О чем они вообще говорят?! Он столько времени вместе с Цинь Су, но никогда не слышал от него таких слов. Профессор что, всерьез заигрывает со студентом? Син вспомнил, как в его университете преподавателя уволили за куда менее двусмысленные письма. Цинь Су вообще соображает, что несет?

Ему хотелось ворваться и прервать эту сцену, но тут Цинь Су продолжил:

— Никогда не смей думать, что ты не важен. Когда ты не ценишь себя, ты ранишь и себя, и всех, кто тебя любит. Запомни это.

Миньфэн смотрел на него полными слез глазами. Для Цинь Су он всё еще оставался тем двадцатилетним мальчишкой, который когда-то робко переступил порог его лаборатории — чистым, наивным и бесконечно преданным науке.

Цинь Су вздохнул. Он видел огромную пропасть между такими «лабораторными крысами», как Миньфэн, и студентами Учителя Юй, которые постоянно крутились в реальных проектах. Казалось, это люди разных эпох, хотя они были ровесниками.

Профессор отложил салфетки.

— Я до сих пор помню, как ты поступал в магистратуру. Твой дедушка тогда приезжал ко мне.

Миньфэн вспыхнул от смущения.

— Простите, Учитель... Я доставил вам столько хлопот.

Цинь Су усмехнулся:

— Да какие хлопоты? У тебя замечательный дед. Он искренне желает тебе добра.

— Он просто ничего не смыслит в науке, — пробормотал парень.

— Ошибаешься. У того поколения свой, очень приземленный и мудрый взгляд на жизнь. Они порой понимают больше нашего. И не думай, что его визит я счел попыткой пройти по блату. Вовсе нет.

Цинь Су до сих пор отчетливо помнил того старика. Это было несколько лет назад, в такую же прохладную пору. Цинь Су пришел на работу пораньше, в коридорах корпуса стояла тишина, но у дверей его кабинета уже ждал пожилой мужчина с внуком.

Старик старался держаться прямо, но годы неумолимо клонили его к земле. На нем была новая серо-черная куртка и кожаные туфли, которые явно были ему велики. Студент рядом с ним — это и был Миньфэн — буквально сгорал от стыда. Он пытался увести деда, но боялся дернуть слишком сильно, чтобы не причинить тому боль. Увидев профессора, парень залился краской и не знал, куда деть руки.

Цинь Су тогда сразу узнал его — Гао Миньфэн проходил у них стажировку.

— Сяо Гао, ты сегодня рано. Что-то случилось? — Профессор повернулся к старику: — Здравствуйте, вы дедушка Миньфэна?

Старик расплылся в заискивающей улыбке:

— Вы и есть Учитель Цинь, наставник нашего Фэнфэна? А я его деда, — он говорил на густом диалекте, который Цинь Су понимал с трудом.

Профессор перешел на более простую речь и пригласил их в кабинет. Он заметил, как сильно нервничает Миньфэн, боясь, что сокурсники увидят его с дедом, и сразу закрыл дверь. Лишь тогда парень немного расслабился.

Старик долго и путано рассказывал о внуке. Цинь Су слушал его, параллельно занимаясь утренними делами: включал компьютер, открывал окна, наливал гостям воду.

Выяснилось, что родители Миньфэна погибли на задании, когда мальчику было три года. Он был единственным наследником рода Гао. Дед, человек совершенно неграмотный, свято верил в силу образования и мечтал, чтобы внук уехал из гор и увидел мир. Они с бабкой годами копили каждую копейку из государственного пособия, во всем себе отказывая, лишь бы внук доучился до «постдока». В понимании старика это была высшая ученая степень, предел человеческих достижений.

Миньфэн учился на судебного медика, но дед считал, что возиться с покойниками — дурная примета. Он где-то услышал, что можно уйти в науку — это звучало солидно и безопасно. Миньфэн был отличником, но сменить специальность при поступлении в магистратуру было почти невозможно. Тогда старик пошел к руководству вуза. Поскольку Миньфэн был сыном погибших героев, ему пошли навстречу. Сказали: если найдете научного руководителя, который согласится вас взять — мы оформим перевод.

Весь этот рассказ Миньфэн просидел, низко опустив голову. Цинь Су парень нравился и без всяких историй, но судьба его и впрямь вызвала сочувствие. Одно профессора забавляло: дед хотел уберечь внука от трупов в судебке, но привел его в Лабораторию по изучению туберкулеза. Смертоносная инфекция, передающаяся по воздуху — разве это не опаснее?

Тогда Цинь Су не стал ничего объяснять. Он просто сказал:

— Сяо Гао способный парень. У меня нет причин отказывать. Если университет оформит перевод, я его возьму.

Дед рассыпался в благодарностях. Когда они ушли, Цинь Су собрался на обед и заметил в углу дивана темно-синий сверток. В нем оказался мешочек с яйцами. Каждое было тщательно вымыто. Видимо, домашние, из самой деревни.

Цинь Су только улыбнулся. Он отдал яйца студентам, и те использовали их для приготовления яичной среды Левенштейна-Йенсена. Видимо, яйца и впрямь были отборными — туберкулезные палочки на этой среде росли необычайно бурно, а колонии получились на редкость красивыми. Студенты потом еще долго вспоминали ту партию.

<http://bllate.org/book/17514/1658366>